

цы между убеждением и доказательством. Поэтому об актах творческого воображения можно говорить как о производстве метафор. Если здесь спросят, где же объективность в таком случае, то следует напомнить, что убеждение достигается путем согласования с контекстом. Значит, не любой продукт воображения может претендовать на победу. Художественное произведение должно соответствовать жанрам, принятым и одобряемым традицией в данный момент времени, научный продукт – правилам игры научного сообщества и т.д.

Подведем итоги. Тема “приостановки референта” не просто является одной из многих тем в пространстве интересов философа. Мы постарались показать, что в ней сфокусировались принципиальные вопросы, связанные с выработкой современных философских стратегий. Их разработка размещается в специфическом поле. Это поле оппозиции субстанциализма/релятивизма, которое

объединено общим контекстом, т.е. принадлежностью к метафизике. Дело, конечно, не в самих философских проектах, а в тех мировоззренческих и эпистемологических следствиях, которые они производят. Это пресловутое “оправдание действительности” и претензия на монополию, и право быть единственным глашатаем истины, с одной стороны, скепсис и пессимизм – с другой. Поэтому складывающейся философской программе приходится вести борьбу по нескольким направлениям: преодолевать как наследие, так и попытки обрабатывать новые ростки старыми методами. Концепт “приостановка референта” оказывается таким промежуточным образованием, и пока он сохраняет представление о словаре как выражении самости или отражении внеположенного ему мира, возрождаются все трудности классической метафизики и драматические последствия ее влияния на культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия и литература. Беседа с Ж. Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М. РИК “Культура”, 1993. С. 151–186.
2. Ricoeur P. Hermeneutics and the human sciences. Cambridge university press, 1995. 314 p.
3. Ricoeur P. Can fictional narratives be true? // Analecta Husserliana. The Yearbook of Phenomenological Research. 1983. Vol. XIV. The Phenomenology of Man and Human Condition in individualization of Nature and the Human Being. B Reidel Publishing Company. P. 3–19.
4. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. Ed. by R. H. Canary and H. Kozicki. The University of Wisconsin Press, 1978. P. 41–62.
5. Nancy J.-L. Finite History // The states of “theory”. History, art and critical discourse. Edited and with an introduction by D. Carroll. New York: Columbia University Press, 1990. P. 149–172.
6. Деррида Ж. Позиции. Киев. Д. Л., 1996. 192 с.
7. Shepherdson Ch. History and the Real: Foucault with Lacan // Postmodern Culture. Vol. 5. № 2 (January, 1995).
8. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994. 352 с.

Статья представлена кафедрой философии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 20 сентября 1998 г.

УДК 14

Е.А. Найман

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА: КАНТ И РЕМБО

Статья посвящена одной интереснейшей параллели в истории мысли, возникшей между фундаментальным разделением Я и Это в кантовской философии и известными строчками А. Рембо “je est un autre” в интерпретации Ж. Делеза.

“...фраза Рембо “je est un autre” “я есть другой” представляет собой типичное выражение сумасшествия, “умственного отчуждения”, когда человек как личность лишается тождества с самим собой”
Э. Бенвенист [1, с. 240]

Пересмотр понятия “истории мысли” в XX веке, соотношения современной и традиционной философии привел к тому, что на страницах современных постфилософов стали “встречаться” Гегель и А. Жид, ничто не стало препятствовать диалогу Платона и Фрейда, Бланшо и Батая и т.д. Неожиданной встрече И. Канта и А. Рембо мы обязаны знаменитым словам поэта “je est un autre” – “я есть другой” (уже давно превратившимся в литературный стереотип), представляющим собой всего лишь цитату из письма Рембо Жоржу Изамбару от 13 мая 1871 г. Существует и иной вид перевода: “Я – нечто другое”. Его автор поясняет: “по-французски здесь при личном местоимении первого лица, обозначающем самого субъекта действия и речи, употреблен связочный глагол в третьем лице, обычно отсылающем к объекту” [2, с. 152].

За этим заклинанием Рембо стояла тема жертвенности художника, принцип его самоутраты и самоопустошения до последнего предела. В работе “Станцы. Слово и фантазм в культуре Запада” (1977) Джорджо Агамбен не оставляет никакого сомнения: “Программный возглас Рембо “je est un autre” надо понимать буквально: искупить вещи возможно лишь ценой собственного превращения в вещь. Как произведение искусство должно самоуничтожиться, пройти через отчуждение, став абсолютным товаром, так художник-дэнди должен превратить себя в живой труп, неуклонно стремящийся к другому, существо в глубине своем нечеловеческое и античеловеческое [2, с. 152].

Однако же, причем здесь Кант? Выражением безумия или результатом моментального прозрения, подводящим итог глубочайшей философской мысли, “соткан-

ной” немецким гением, является эта хрестоматийная строчка? Неужели строгий кригицизм вполне может сомкнуться с произвольностью эпистолярной метафоры? Уж не безумием ли веет от “коперниканского переворота”, совершенного “тартюфством старого Канта” (Ницше)? Не идеалы ли дендизма просматриваются в тяжеловесной эlegantности трансцендентального метода? Свидетелем этой встречи был Жиль Делез. Он подсмотрел, он создал тему [3, с. VIII–IX].

Кант научил: Эго, “мое собственное”, пребывая во времени, постоянно изменяется, являясь пассивным или рецептивным. С другой стороны, Я – акт, который постоянно осуществляет синтез времени и того, что происходит во времени, разделяя настоящее, прошлое и будущее в каждый момент. Я и Эго отделены линией времени, которая связывает их друг с другом, сохраняя фундаментальность различия между тем и другим. Мое существование не может быть определено одновременно и как активное и как спонтанное бытие. Мы не можем вместе с Декартом сказать: “Я мыслю, следовательно, существую. Я – вещь, которая мыслит”. Если воистину так, что “Я мыслю” есть определенный установленный факт, то это означает неопределенное существование (Я есть). Но до сих пор ничто не говорит нам, в какой форме это существование определено этим “Я мыслю”: сама форма этого существования (моего, а не чего-то другого) определима только во времени, во временной форме как существование феноменального, рецептивного и изменяющегося Эго. Поэтому я не могу конституировать себя как уникального и активного субъекта (Эго – основание бытия, “вещь в себе”), а существую как пассивное Эго, которое может себе пред-

ставлять только активность собственного мышления; Я выступаю как Другой, который воздействует на меня. Я отделен от себя формой времени и, тем не менее, Я – один, поскольку с необходимостью влияю, действую на эту форму, производя ее синтез, и поскольку Эго с необходимостью получает воздействие как содержание в этой форме. Форма может быть определена – это означает, что определенное Эго представляет факт своей определенности как Другое.

“Я Другой” Рембо для Канта связано с вопросом о форме времени вообще, которая проводит различие между актом Я и Эго, к которому этот акт приписан. Таким образом, время движется внутри субъекта, для того чтобы разделить в нем Эго и Я. Это форма, при которой Я воздействует на Эго, способ, при котором мысль затрагивает себя, воздействует на себя, волнует себя.

Именно в этом смысле время – неподвижная форма, которая не может больше определяться как простая последовательность, а определяется как форма интериорности (внутреннего чувства). Все, что движется и изменяется, существует во времени, но время не изменяется, не движется, оно вечно. Это – неподвижная форма, которая не изменяется. Это – не какая-то определенная вечная форма, а фактически форма того, что не вечно, неподвижная форма изменения и движения.

Эго=Эго – форма идентичности – перестает действовать. И это означает не только, что время внутри нас, но и что наша внутренняя сторона постоянно отделяет нас от самих себя, разделяет надвое, и эти две половины никогда не сомкнутся, поскольку время не имеет конца. Головокружение, колебание, которое конституирует время. “Je est un autre”!

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Агамбен Д. Станцы. Слово и фантазм в культуре Запада. “Искусство кино”. № 11. 1998.
3. Deleuze G. Kant's critical philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

Статья представлена кафедрой философии и логики философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 21 октября 1998 г.